

© 2001 г. Е.А. ЗЕМСКАЯ

Посвящается 80-летию М.В. Панова

УМИРАЕТ ЛИ ЯЗЫК РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ?

1. Вопрос, вынесенный в название статьи, очень сложен. Эта сложность объясняется резкой неоднородностью состава русской диаспоры, резкой разницей между эмигрантами разных волн в отношении к русскому языку, во владении им и в стремлении сохранить его.

2. Материалом для статьи послужили данные языка русских эмигрантов, собранные мной в 90-е годы XX в. Это – магнитофонные и ручные записи, проводившиеся в пяти странах: Италии, Германии, США, Франции, Финляндии, а также отчасти письменные материалы: частные письма, записки, объявления в магазинах, эмигрантские газеты и данные семейных архивов. Изучался язык разных поколений всех четырех волн эмиграции.

Статья базируется на подготовленной к печати книге "Язык русского зарубежья" (отв. ред. Е.А. Земская)¹. Изучение языка русского зарубежья осуществляется в рамках Московской школы функциональной социолингвистики (см. [Земская, Крысин 1998]), т.е. авторы продолжают традиции изучения русского языка, заложенные в Отделе современного русского языка Института русского языка РАН в 60-е годы при М.В. Панове, позднее – при Д.Н. Шмелеве, и продолжающиеся в настоящее время. Иными словами: изучается русский литературный язык в его живом, естественном функционировании.

Мой подход к отбору информантов и способу собирания материала отличается от того, который распространен при изучении языка диаспоры. Обычно материал собирают способом анкетирования или прямого задавания вопросов об употребительности или значении тех или иных элементов языка, а в качестве информантов используют различных лиц, независимо от того, где они жили до отъезда и каков был их язык. Вследствие этого в число информантов попадают жители не только России, но и Казахстана, Украины, Белоруссии, Узбекистана и других республик бывшего СССР и СНГ, а объектом наблюдения являются – без необходимого разграничения – носители и литературного языка, и просторечия, и диалектов. Желая установить, как живет русский литературный язык вне России, я строго подходила к отбору информантов – изучала речь носителей литературного языка, выходцев из России или российской части СССР. Основной способ собирания материала – метод включенного наблюдателя, т.е. непринужденные разговоры на разные темы, проводившиеся в естественной обстановке – дома, на улице, в машине, в церковном дворе, на прогулке.

3. **Волны эмиграции.** Принято различать четыре волны эмиграции: 1-я – после революции 1917 г.², 2-я – связанная со второй мировой войной, 3-я – в 70-е годы, когда был разрешен выезд из СССР евреям, а также происходила высылка диссидентов,

¹ Книга состоит из двух частей: I. "Общие процессы и индивидуальные речевые портреты" (автор: Е.А. Земская); II. "Общие и специфические процессы в языке метрополии и эмиграции" (автор: М. Гловинская). В настоящей статье я использую материалы своей части монографии.

² Старой эмиграцией в США принят иной счет. Первой волной называют людей, покинувших Россию до революции 1917 г., а эмиграцию послереволюционную считают второй волной.

4-я – с конца 80-х годов, т.е. в период перестройки и постперестройки. О волнах эмиграции см., например: [Эндрюс 1997; Andrews 1998].

Кратко охарактеризую волны эмиграции, обращая особое внимание на первую и четвертую, так как они различаются наиболее существенно. Подчеркну, что я стремилась выявить наиболее типические, частотные особенности этих волн. Очевидно, что среди представителей одной и той же волны имеются лица, резко различающиеся по одному или даже многим признакам.

Характеристика своеобразия разных волн эмиграции основывается на моих материалах и наблюдениях, а также на сведениях, почерпнутых из литературы. Мною не проводились специальные подсчеты и статистические исследования. Тому есть веская причина. Русская диаспора обширна и многообразна, рассеяна по разным странам и континентам. Подсчеты (для того чтобы их можно было считать показательными) должны были бы основываться на таком колоссальном материале, собрать и обработать который под силу лишь большому коллективу за длительный срок. Статистическая же обработка не столь значительного массива данных, по моему глубокому убеждению, не дает достоверных результатов. Вместе с тем, обследованный материал достаточно представлен. Проведено наблюдение над речью пятидесяти восьми эмигрантов первой волны и более ста тридцати эмигрантов прочих волн³.

3.1. К первой волне эмиграции относят лиц, бежавших из России после революции 1917 г. В конце 90-х годов не осталось в живых почти никого из лиц, уехавших в начале 20-х годов. Живут в эмиграции их потомки – дети, внуки и правнуки. Иными словами: первая волна эмиграции может быть представлена людьми четырех поколений. В моих материалах имеются данные обо всех четырех поколениях первой волны.

Значительная часть эмигрантов первой волны и их потомков – люди высокообразованные, которых объединяет целый ряд особенностей речи, психологии и отношения к России. Их родители – русские аристократы (родовитые дворяне, князья) или высокообразованные люди других сословий, преданные России, стремящиеся сохранить свою "русскость". Им свойственно **многоязычие**, которое, с одной стороны, способствует их умению легко переключаться с одного языка на другой, а не строить макаронический дискурс, с другой стороны, обуславливает определенные особенности их русской речи в области лексики, грамматики и фонетики.

Потомки эмигрантов первой волны, как правило, в детстве дома говорили по-русски со всеми членами семьи (или, во всяком случае, с матерью и бабушкой). Этим людям свойственно достаточно хорошее владение русским языком. Они могут подолгу, свободно, на разные темы говорить по-русски, не воспроизводя выученные тексты, но порождая их. Русский язык у них не выученный, а естественный, приобретенный дома. Его отличает богатство лексики, а также наличие некоторых особенностей, присущих литературному разговорному языку. Они посещают православную церковь, в которой богослужение ведется на церковнославянском языке. Обычно они читают по-русски, но пишут далеко не все (см. [Земская 1999a]).

Некоторые лица допускают отклонения от законов русского языка в области лексики, грамматики или фонетики. У большинства этих людей русский – один из языков двуязычия или многоязычия, причем у разных лиц русский язык занимает разное место.

Знание нескольких языков – характернейшая черта эмигрантов первой волны. Она объясняется происхождением и воспитанием (их с детства учили нескольким языкам – няни, гувернантки и гувернеры), а также особенностями их жизни. Многим из них пришлось жить после бегства из России в разных странах.

Старую эмиграцию объединяет одна общая черта – эти люди бежали из России (спасая свою жизнь и жизнь своих детей) на время, на короткий срок. Долго жили на чемоданах. Они свято верили, что вернутся в Россию. Недаром они называли себя бе-

³ Для сравнения приведу такие цифры. В работе [Polinsky 1998] обследовано 18 человек, отобранных примерно из сотни лиц.

женцами, а не эмигрантами. Они хранили свою "русскость". Русский язык был важнейшим элементом этой "русскости". Независимо от того, сколько языков они знают, в каких ситуациях их используют, насколько хорошо они владеют русским, в их жизни русский язык занимает особое место. Это – родной язык. Это – семейные корни. Это – связь с родиной, ее культурой и историей.

Большая часть лиц старшего возраста никогда не была в России, но мечта о ней живет в них. Так, одна эмигрантка второго поколения первой волны, родившаяся в Хельсинки в 1920 г., живущая в США уже полвека, пишет в письме: "... мы жили в отрочестве – мечтой, что когда-нибудь вернемся в Россию. Именно думали: вернемся, хотя никогда в ней не были" (М.Р. Гизетти – Е.А. Земской. Письмо. 17.12.1999).

У эмигрантов первой волны обнаруживается редкая стойкость в сохранении русского языка. Русский язык сохраняется вплоть до четвертого поколения, т.е. у правнуков лиц, бежавших из России. Конечно, это наблюдается не во всех семьях, но во многих семьях, живущих в разных странах. В таких странах, как, например, Италия, Германия, США, Финляндия, Франция, я это наблюдала нередко. Есть данные и из других стран – например, в Бельгии русский язык сохраняется и в пятом поколении [Stangé-Zhirovova 1998].

Мои наблюдения позволяют предположить, что имеется несколько специфических полей сохранения и стойкого функционирования русского языка: православная церковь, общение с маленькими детьми и разговоры с домашними животными.

3.2. Вторая волна наименее однородна. Причины, по которым эти люди оказались вне России, весьма различны – находились на оккупированной территории, попали в плен или окружение, были ранены, угнаны на работу в Германию. Многие из них, начав жизнь вне родины в Германии, переместились позднее в США, Австралию, Австрию или другие страны. Среди эмигрантов второй волны много людей, получивших образование в СССР. Лица, получившие высшее образование в СССР, в большинстве своем сохраняют хороший русский язык, дорожат им.

3.3. Третья волна в значительной степени состоит из диссидентов, лиц еврейской национальности и представителей разнообразных творческих, интеллектуальных профессий, вынужденных уехать или высланных из СССР. Многие из них сохраняют хороший русский язык. Такие лица и семьи мне известны в разных странах. Их отличает высокая образованность и культура. Большая часть этих людей, покидая Россию, знала английский язык или язык той страны, в которую они намеревались уехать. Они, как правило, оберегают свой русский язык и язык членов своей семьи, особенно в тех случаях, когда их профессия связана с русским языком.

3.4. Четвертую волну эмиграции нередко называют экономической. В подавляющем большинстве ее составляют люди, уехавшие из России навсегда, не имеющие желания возвращаться. Их цель – как можно скорее добиться в стране-приюте успеха, иметь работу, дом, семью. Они не хотят быть чужаками, хотят стать своими. Важнейший элемент достижения этой цели – чужой язык. Многие из них стремятся всеми силами говорить на новом языке и перестают говорить по-русски. Такие люди составляют значительную часть эмигрантов четвертой волны. Они есть во многих странах (США, Франция, Италия, Финляндия), но особенно много их в Германии среди той части эмиграции, которую составляют так называемые "русские немцы", т.е. немцы, возвращающиеся на свою историческую родину в Германию из Поволжья, Казахстана, Сибири, и члены их семей. Среди последних могут быть и русские по происхождению – русские жены и русские мужья. Эмигранты четвертой волны часто не имеют высшего образования, нередко занимаются малоквалифицированным трудом и обычно, приезжая, не знают немецкого языка⁴. Им приходится начинать с нуля. Именно поэтому их русский наиболее легко и быстро подвергается влиянию чужого

⁴ Сошлюсь на данные, приведенные в работе Н.Л. Пушкаревой: среди эмигрантов 90-х годов зафиксировано 99,3% граждан, заявивших при выезде, что они никаких языков, кроме русского, не знают [Пушкарева 1997: 156].

языка, в нем ярче всего видны процессы интеграции. Речь одного такого лица рассмотрена в [Земская 1999б].

Язык эмигрантов четвертой волны обычно изображают самыми мрачными красками, см. например: [Гусейнов 1997; Бодэ 1999: 72–75]. Речь такого рода мне не встречалась, но анекдоты, изображающие подобную речь, от лиц, прилично говорящих по-русски, слышала неоднократно: *Отрежь мужчине два слайсика хэма* (в США: *два ломтика ветчины*); *Я купила два транишка жамбона* (во Франции: *два ломтика ветчины*).

Отмечу, что я не жила на Брайтон-Бич, а лишь бывала там. В газетах встречала рекламы типа: *Чистка **карпета*** (англ. *carpet* – ковер). В литовском магазине в Бруклине видела объявления русскими буквами: **турка вареная** (англ. *turkey* – индюшка), **верджиния** (sic!) **хэм** (англ. *ham* – ветчина). А вот строчки из песни-рекламы ресторана "Сильвер дрим" на Брайтон-Бич, сообщенные мне жителем Нью-Йорка: "Зачем мне Пикадилли? / Чего мне делать с ним, / Когда мне адрес Цыли / Порождает *сильвер дрим*" (серебряные сны, от англ. *silver dream*).

В этой связи будет уместно процитировать начало интересной статьи С.Е. Никитиной, приводящей один из образцов подобной речи: «*Защатай дору, а то чилдрената засикуют*» ("закрой дверь, а то дети заболеют") – эту фразу, подобную щербовской "глокой куздре", произносят калифорнийские молокане, посмеиваясь над своим русским языком» [Никитина 1998: 62].

3.5. Образно и кратко различие между старой и новой эмиграцией рисуют два высказывания, которые могут служить "эпиграфами"-характеристиками: "Я всю жизнь мечтала – Россия! Россия! Россия! Пушкин – такой родной!" (Елена Волконская; никогда не была в России, родилась в Риме; второе поколение первой волны); "Русский язык – куда он денется? А вот без английского..." (Жительница Лос-Анджелеса, покинула СССР в 45 лет; в США живет 20 лет; первое поколение третьей волны).

Между эмигрантами первой и четвертой волн обнаруживаются резкие контрасты не только в степени устойчивости русского языка, в том, какое место он занимает в их жизни, но и во многих других отношениях, в частности, в том, в каких функциях они используют язык страны обитания (см. [Земская, в печати]).

С.Е. Никитина пишет: «Загруженность... русской речи "американскими словами" (интерференция) характерна, главным образом, для пожилых людей, плохо знающих английский язык» [Никитина 1998: 62]. Материалы моего исследования подтверждают мнение С.Е. Никитиной. Такая интерференция ("речевая чересполосица") присуща людям, плохо знающим язык страны обитания.

4. После данной выше эскизной характеристики волн эмиграции, рассмотрю их подробнее, обращая особое внимание на первую.

4.1. **Первая волна** эмиграции представляет особый интерес и в историко-культурном, и в лингвистическом отношении: она позволяет судить о том, как русский язык функционирует вне России на протяжении почти века, и, следовательно, дает материал о выживаемости русского языка, о разной степени стойкости разных участков системы языка в чужезычном окружении.

Для наглядности приведена таблица, в которой даются сведения о 53 эмигрантах, представителях четырех поколений эмиграции первой волны. Многие из них свободно говорят на трех-четырех, а некоторые на пяти-шести языках.

Пояснения к таблице:

Знаком = обозначается равноправное владение языками, например: Р = Ф (полное владение русским и французским). Знак / используется в тех случаях, когда языки не вполне равноправны. В таких случаях первое место занимает основной язык, далее языки располагаются по степени убывания их значимости.

В графе "Владение языками" указываются лишь те языки, на которых человек может говорить. В графе "Возраст" цифра в скобках указывает поколение: 1, 2, 3 или 4.

В таблице приняты следующие сокращения:

Названия **языков**: А – английский, Ар – арабский, Б – болгарский, И – итальянский, Н – немецкий, П – польский, Р – русский, С – сербский, Фн – финский, Ф – французский, Х – хорватский, Ш – шведский, Э – эстонский, Я – японский.

Названия **стран**: А. – Англия, Ав. – Австрия, Б. – Болгария, Г. – Германия, И. – Италия, К. – Китай, М. – Марокко, Р. – Россия, Ф. – Франция, Фн. – Финляндия, Ш. – Швеция, Шв. – Швейцария, Э. – Эстония, Ю. – Югославия, Я. – Япония.

Прочее: Ж. – женщина, М. – мужчина.

Таблица

Данные об информантах – эмигрантах первой волны

№	Владение языками	Пол	Возраст: годы рождения – смерти	Страны обитания
1	Р = Ф/И	М.	1924 (1)	Р. – И. – Ф.
2	Р/Ф	Ж.	1924 (2)	Б. – Ф.
3	Р/А/И/Ф	Ж.	1934 (3)	К. – И.
4	Р/А/Ф	Ж.	1909–1997 (1)	Р. – К. – США
5	Р = Фн = Ш/А/Ф	Ж.	1908–1997 (1)	Фн.
6	Р/А/И	М.	1931 (?) (2)	Ю. – США – И.
7	Р/А/Я/К	Ж.	1948 (3)	К. – Я. – США
8	Р = Фн/Ш/Ф/А/П	Ж.	1942 (3)	Фн. – Ф.
9	Р/Н/И/Ф/А	Ж.	1934 (2)	И.
10	А/Ф/И/Р	Ж.	1924 (2)	И.
11	Ф/Р	М.	1924 (2)	Ф. – И.
12	Ф/Р	Ж.	1924 (2)	Ф.
13	И/Р	Ж.	1924 (2)	И.
14	Н/Р	Ж.	1924 (2)	Г.
15	Н/Р/Х/С/П	М.	1948 (3)	Г.
16	И/Ф/Р	Ж.	1957 (3)	И.
17	Ш/Н/Р	Ж.	1942 (3)	Г. – Ш. – Г.
18	А/Р	Ж.	1909 (1)	Р. – США
19	А/Р	Ж.	1941 (3)	США
20	Ф/А/Р/Ар	Ж.	1930 (2)	М. – Ф. – А. – США
21	Р = А	Ж.	1907 (1)	Р. – США
22	Р/А/Ф (?)	Ж.	1907 (1)	Р. – Ю. – Ф. – М. – Ав. – США
23	Р/Ф/А	Ж.	1934 (?) (2)	Ю. – Ф. – США
24	Р = А/Ф (?)	Ж.	1918 (?) (1)	Р. – США
25	Р/А	Ж.	1929 (?) (2)	США
26	А/Ф (?) /Р	Ж.	1961 (4)	А. – США
27	Р = Фн = Ш	Ж.	1903 (1)	Фн.
28	Фн/Р/Ш	Ж.	1939 (2)	Фн.
29	Р = Н	М.	1917 (1)	Р. – Г.
30	Р/Н/С	Ж.	1922 (2)	Ю. – Г.
31	Н/Р	М.	1949 (3)	Г.
32	Н/Р	Ж.	1994 (?) (4)	Г.
33	А/Р	Ж.	1983 (4)	США
34	Ф/Фн/А/Р/Н/Ш	М.	1976 (4)	Фн. – Ф.
35	Ф/Фн/Р/А	Ж.	1981 (4)	Фн. – Ф. – Бельгия
36	А/Я/Р	М.	1971 (?) (4)	Я. – США
37	А/Я/Н/Р	М.	1967 (4)	Я. – США – Р. – Шв.
38	А/Ф/Р	Ж.	1930 (3)	Ф. – США
39	Р	М.	1899–1991 (1)	Р. – Б.
40	Р/Б/Ф	Ж.	1950 (?) (2)	Б.

№	Владение языками	Пол	Возраст: годы рождения – смерти	Страны обитания
41	Ф/Р	Ж.	1952 (?) (3)	Ф.
42	Ф/Р	М.	1942 (3)	Ф.
43	А/Р	М.	1922 (2)	К. – США
44	А/Р	Ж.	1930 (?) (2)	К – США
45	Р/Фн/Ш/Н/А	М.	1927 (3)	Р. – Фн.
46	Фн/Р/Ш	Ж.	1958 (3)	Фн.
47	Р/Фн	М.	1903–1979 (1)	Р. – Фн.
48	Р = Н	Ж.	1931 (2)	Г.
49	Р = Н/Ф	Ж.	1883–1983 (1)	Р. – Г.
50	Р	Ж.	1887 (?) – 1955 (1)	Р.–Г.
51	Р = Н/Ф/А	М.	1909–1997 (1)	Р.–Г.
52	Р/А/Н/Э	Ж.	1920 (2)	Фн. – Э. – Г. – США
53	Фн/Р/Ш/Н/А	Ж.	1953 – (?) (3)	Фн.

Примечание. Речь информантов 49, 50 изучалась только по письменным источникам – частная переписка, воспоминания.

Обобщу сведения об информантах, помещенные в таблице. Русский язык является основным у 26 человек из 53 эмигрантов первой волны. Распределение по поколениям (указаны римскими цифрами) дает такие сведения:

I – 14 чел., у всех основной язык русский.

II – 18 чел.; у 9 чел. русский основной, у 9 – не основной.

III – 14 чел.; у 4 чел. русский основной, у 10 – не основной;

IV – 7 чел., у всех русский не основной язык.

Сразу видно, что во втором поколении русский язык является основным у половины лиц, в третьем поколении он является основным нередко, и лишь в четвертом поколении русский язык утрачивает роль основного. Обычно он сохраняется как язык домашнего общения. Однако неграмотных среди моих информантов нет. Все умеют читать и писать по-русски, некоторые пишут письма на русском языке и читают серьезные русские книги, например, романы Достоевского.

Таким образом, во втором и даже в третьем поколении у значительной части эмигрантов первой волны именно русский язык, а не язык страны обитания, сохраняет позицию основного. При этом данные люди владеют многими языками, некоторые являются билингвами.

Несомненно, что в сохранении русского языка в качестве основного или достаточно сильного огромную роль играют семейные традиции (стремление сохранить русский язык, постоянное использование его при общении в семье, отношение к нему как к святыне), личные качества говорящего, его образованность, профессия (связана ли она с русским языком), интерес к России и всему русскому, интерес к своим семейным корням, возможность иметь собеседников, говорящих по-русски.

Языковая компетенция⁵ информантов свидетельствует о распространенности знания многих языков: 6 языков знают 2 чел.; 5 языков знают 4 чел.; 4 языка знают 9 чел.; 3 языка знают 17 чел.; 2 языка знают 19 чел.; 1 язык (русский) знают 2 чел.

Характеристика поколений по знанию языков дает такую картину:

⁵ Принимаются во внимание лишь языки, на которых человек умеет свободно, без подготовки говорить.

I поколение – 14 чел., из них: 5 языков знает 1 чел., 4 языка знает 1 чел., 3 языка знают 6 чел., 2 языка знают 4 чел. Только русский знает 2 чел.⁶;

II поколение – 18 чел., из них: 5 языков знает 1 чел.; 4 языка знают 3 чел., 3 языка знают 5 чел., 2 языка знают 9 чел.;

III поколение – 14 чел., из них: 6 языков знает 1 чел., 5 языков знают 2 чел., 4 языка знают 3 чел., 3 языка знают 4 чел., 2 языка знают 4 чел.;

IV поколение – 7 чел., из них: 6 языков знает 1 чел., 4 языка знают 2 чел., 3 языка знают 2 чел., 2 языка знают 2 чел.

Материалы показывают, что эмигрантам всех поколений присуще знание многих языков, т.е. жизнь в эмиграции способствует многоязычию. Эмигрантов первой волны и их потомков отличает от поздней эмиграции умение переключаться с одного языка на другой, а не смешивать языки. В их русский могут попадать отдельные заимствования в виде инкрустаций. Как пишет Л.В. Щерба, "оба языка [или: три и более языков. – Е.З.] образуют две отдельные системы ассоциаций, не имеющие между собой контакта. Это очень частый случай у людей, выучивших иностранные языки от иностранных гувернанток, с которыми они могли говорить только на изучаемом языке с исключением всякого другого" [Щерба 1976: 61]. Похожая ситуация возникает и при жизни в эмиграции, когда жители страны обитания не знают русского языка и при общении с ними эмигрантам нельзя переходить на родной язык.

В таблице представлены жители шести стран: США – 17, Германия – 11, Финляндия – 9, Италия – 8, Франция – 6, Болгария – 2.

Таблица содержит сведения о членах одной семьи: муж (47) – жена (5) – дочь (8) – ее дети (34, 35); мать (50) – сын (51) – внук (8); мать (7) – дети (33, 36, 37); мать (20) – дочь (21); мать (18) – дочь (19); мать (10) – дочь (16); мать (22) – дочь (23); муж (43) – жена (44); муж (29) – жена (30) – их сын (31) – его дочь (32); отец (39) – дочь (40).

4.2. Что отличает ярче всего эмигрантов первой волны? А такие отличия несомненно есть. Их ощущаешь четко, когда впервые знакомишься со старой русской аристократией, как мне довелось в 1997 г. в Риме. Назову основные компоненты, которые составляют это отличие: естественность поведения, вежливость при полном отсутствии высокомерия, безукоризненная осанка (всякое отсутствие сутулости до старости), хорошо поставленный громкий голос, четкая дикция. Названные отличительные черты присущи не только старой аристократии, но и представителям других сословий – духовенство, врачи, инженеры и др.

Речь эмигрантов первой волны может быть охарактеризована как **литературная разговорная** речь, во многом близкая русскому литературному разговорному языку (РЯ) современных жителей России среднего и пожилого возраста. От речи современной молодежи ее отличает прежде всего **темп**, – эмигранты, как правило, не говорят так быстро, как это свойственно молодежи в конце XX века. В речи многих эмигрантов (но отнюдь не всех!) заметно влияние интонации языка той страны, в которой они живут: английского, итальянского, французского, немецкого и др. Общая отличительная черта речи эмигрантов – некоторая архаичность, ощущаемая, прежде всего, в лексике, фонетике и речевом поведении.

Существует мнение, что эмигранты второго поколения, т.е. лица, родившиеся вне России, не владеют русским разговорным языком [Голубева-Монаткина 1993: 101], что им его заменяет французский язык (это мнение основано на изучении речи лиц, живущих во Франции). Мои материалы не подтверждают этого мнения. Выскажу такое предположение: у эмигрантов-билингвов, русско-французское двуязычие которых имело корни еще при жизни в России, до революции, это двуязычие изменяло свой характер – пребывание во Франции могло ослаблять русский язык и усиливать

⁶ Эти люди приехали в эмиграцию, не зная других языков. Оба они умерли. Один (39) жил в Болгарии и не считал нужным учить болгарский язык. Другая (50) жила в Германии, обходилась минимальным знанием немецкого языка (он ей не нравился), дома говорила по-русски, любила читать русскую художественную литературу.

французский. Мои наблюдения за многими эмигрантами, живущими в Германии, Италии, Финляндии, США, Китае, Болгарии свидетельствуют о том, что эмигранты второго, а в ряде семей и последующих, поколения владеют русским разговорным языком (см. также: [Толстой 1998]). И это вполне естественно. У эмигрантов не первого поколения может ослабевать книжный кодифицированный литературный язык (КЛЯ), если они получили образование не на русском языке (см. об этом: [Земская 1999а]), но сохраняется именно разговорный язык как язык семейного общения, бытовой, домашний.

Приведу высказывания метаязыкового характера двух эмигрантов первой волны не первого поколения, живущих в Германии.

Эмигрант третьего поколения (15), у которого была русская бабушка (50), отец – полурусский (51; увезен из России в 1920 г. трехлетним мальчиком, не знающим немецкого), а мать – немка, пишет мне: "Я хорошо помню, что мой папа с бабушкой разговаривали на неплохой РР [разговорной речи], и в общем с нами, детьми, папа пользовался не так уж редко даже просторечными элементами. (Помню, когда мы хотели куда-нибудь сходить или поехать, а он этого не хотел, он в шутку мог сказать: *Жопой по простыне поедешь!* – это звучит для меня не слишком литературно.) О себе. До бабушкиной смерти [она умерла, когда мальчику было 18 лет] мы с ней говорили исключительно по-русски, но – по мере ее прогрессирующего склероза – все меньше и меньше".

Эмигрантка второго поколения, родившаяся в Берлине в 1931 г., великолепно владеет русским и немецким (48). С мужем и сыном разговаривает обычно по-русски, но оба языка воспринимает как основные. Шутливо сообщает мне: "С сыном иногда по-немецки приятно *жарим*". Обращает на себя внимание экспрессивный глагол широкой семантики *жарим*, ср. типично разговорные конструкции: *Он так и жарит по-английски, Она на трех языках жарит*.

Повторю, что разговорный русский язык сохраняется во многих семьях эмигрантов и не первой волны. В таких случаях язык страны обитания обычно выполняет именно функцию книжного официального средства общения.

4.3. Представители эмиграции первой волны не однородны в социальном отношении, что, естественно, находит отражение в языке. Наряду с лицами дворянского происхождения среди них имеются и разночинцы, и купцы, и промышленники. Не ставя перед собой цель рассмотреть язык разных слоев эмиграции, укажу лишь на существование некоторых типических различий, так сказать, "лакмусовых бумажек" – показателей социальной дифференциации говорящих. Примером таких социальных лексических маркеров может быть употребление глаголов *есть* / *кушать*. Закрепленное современной нормой неупотребление *кушать* по отношению к себе, сохранение его лишь в формулах угощения, иногда по отношению к маленьким детям, свойственно речи старой русской аристократии и образованных слоев эмиграции, тогда как представители других слоев – выходцы из купцов, крестьян, городского мещанства – обычно рассматривают *кушать* как вежливую форму, противостоящую грубому *есть* (см. об этом подробнее: [Земская 2000: 68–70]).

4.4. Среди старой русской эмиграции двуязычие и даже многоязычие – не редкость. Как именно функционирует двуязычие у лиц, долгое время живущих за границей или родившихся вне России?

Неверно было бы думать, что двуязычные люди всегда свободно обо всем говорят на двух языках. Нередко двуязычие распределено ситуационно и тематически. Мои наблюдения и опросы информантов свидетельствуют о том, что употребление русского языка и языка той страны, в которой живет человек, нередко находятся в дополнительном распределении. Так, например, молодая женщина, русская по происхождению, но родившаяся в Германии, сообщила, что дома с родителями она говорит только по-русски, а когда, например, ведет автомобиль, заправляет его и т.п. – только по-немецки, что она даже не знает, как называются по-русски те или иные предметы и

действия, связанные с автомашиной. Это относится и к работе на компьютере. Сохранение за русским функций домашнего, семейного языка распространено в среде эмигрантов.

Среди эмигрантов действуют два основных вида двуязычия: полное (более редкое, но реально существующее и наблюдаемое у некоторых моих информантов) и находящееся в дополнительном распределении (по ситуациям, темам, адресатам и т.д.).

5. Что можно сказать о степени сохранности русского языка, о его стойкости у эмигрантов других волн? Эмиграция не первой волны не обнаруживает такого единства в отношении к русскому языку, в стремлении его сохранить, как эмиграция первой волны. В ней больше контрастов; индивидуального, пожалуй, больше, чем типического. Как пишет один проникательный славист (15), "нет поколений, есть только индивидуальности" (Из письма к Е.А. Земской, 14 апреля 2000 г.). Именно поэтому я хочу привести конкретные примеры того, как живет русский язык у эмигрантов разных волн в разных странах (США, Германия, Голландия).

5.1. Вторая волна. Вот краткая история одной семьи, живущей в Лос-Анджелесе. Муж (СН) – сын священника. В СССР получил высшее образование, инженер. Во время войны оказался в Германии. В Гейдельберге получил второе образование. В 1949 г. переехал в США, поступил в Калифорнии учиться в университет UCLA. Получил третье образование.

Путь жены (ЕН) в США иной: Югославия – Германия – Венгрия – США. Тоже училась в UCLA. Там они и познакомились, а позднее – поженились. Оба православные, в церкви посещают богослужение на церковнославянском языке, хотя служба бывает и на английском. Оба сохранили превосходный русский язык (живут в США – 50 лет!). В их речи я не отметила черт разрушения языка. Английские слова употребляют очень редко – например, в названиях болезней. Сетуют на порчу русского языка. СН ругал калифорнийскую газету "Факт": "Портят русский язык // Зачем употреблять *дайджест*?". Очень следят за своим русским языком. ЕН заметила: "Мы вставляем английские слова // – В каких же случаях? – Да вот я сказала / *Darling!*". В речи СН встретилось одно неузуальное русское слово, которое он произвел по продуктивной модели: *Это обдувательство людей* // (вм. *надувательство*). Меня ЕН называла уменьшительным именем *Леночка*. Говоря друг о друге с чужими, именуют друг друга по имени и отчеству.

Ярко показывает отношение супругов к русскому языку то, как они воспитали своего сына. Они усыновили трехнедельного мальчика-американца. Я познакомилась с ним в 1999 г., когда ему было 33 года. Наше знакомство началось так. Он позвонил по телефону и спросил: – *Мне нужно профессора / Елену // Я не знаю как дальше // – Это я // – Это Ник //*. Замечу, что в разговорах со мной родители называли сына *Николай*. Ник по моей просьбе пришел ко мне. Он очень общителен и доброжелателен, охотно рассказывал о себе. Первый язык у него – русский. Ходил в русскую школу. Дома (с родителями, с бабушками и дедушками) говорил по-русски. Кончил тот же университет UCLA (по истории), что и родители. Три года работал в России. По внешнему виду, манере вести себя, поведению, Ник – американец. Сам Ник говорит: *Никто никогда (никогда) не верит что я русский*. Однако русский язык у него очень хороший, лучше, чем у многих русских, живущих в США 20–30 лет.

Основное, что отличает речь Ника от речи русских в фонетике – тип аканья. В первом предупредном слоге – редуцированный *ъ*: *пътом* (потом), *Къфкас* (Кавказ), *ткъ што* (так что), т.е. строение слога *ʔbtd*. В произношении согласных можно отметить мягкость звука *ш* (*наш'и*). В некоторых случаях заметно влияние английской интонации. Произносит, как и полагается в русском разговорном языке: *што, никогда* (никогда), *суда* с твердым начальным звуком. Сочетание *жж* произносит по "молодой норме" как твердое: *переезжает*. Один раз он неверно образовал словоформу род. падежа множ. числа (*фермов* – вм. *ферм*). Один раз произвел неузуальную глагольную

форму по продуктивной модели: *Можете меня проэкзаминировать*, вместо: *проэкзаменовать*.

У Ника богатый запас слов. В тех редких случаях, когда Ник затрудняется в поисках русского слова, он не вставляет сразу английское, а спрашивает или сам подыскивает слово: *У меня fiancée русская* / (поправляясь, с сомнением) *невеста?*; (рассказывает о своей фирме) *Там больше половины / как сказать? Работников?* – *Сотрудников* //. В речи встречаются элементы книжной лексики, типа выражения *в том плане, что ... Она не ограничена в том плане (што...)*; *Я ее выбрал по таким факторам...* Скорее всего, наличие подобных выражений объясняется работой Ника в фирме в России. В речи эмигрантов первой волны книжно-канцелярские элементы мне не встречались. Несомненно, что русский язык Ника укрепила работа в России и общение с русской невестой. Он говорит: *Она очень много мне дала* // *Она Герцена закончила / языковой институт* // *Она переезжает суда летом* //. Обращает на себя внимание чисто разговорная номинация – *Герцена закончила* (ср. полное название: *Пединститут имени Герцена*).

На мой вопрос, на каком языке он говорит с родителями, отвечает: "С родителями в основном по-русски". И добавляет, что язык зависит от темы. По-английски: "Наши дела совместные, банковские счета финансовые. Нет аналога в России".

Насколько типична эта семья для эмиграции второй волны? Я думаю, что она представляет собой лучший образец сохранения русского языка. Иными словами: эта семья типична для определенного слоя эмигрантов, сохранивших любовь и интерес к России и всему русскому. Сохранению русского языка в этой семье благоприятствуют многие факторы. СН и ЕН покинули СССР взрослыми, получив хорошее образование на русском языке. Старшее поколение жило вместе с детьми. Отец СН – священник. Русская церковь дает семье обширный круг знакомых, регулярное общение на русском языке. Любовь к России, интерес к ее жизни во всех аспектах (политика, экономика, культура) поддерживается чтением русских книг и газет.

Несомненно, однако, что огромную роль в сохранении русского языка играет семейный уклад и сила характеров этих людей. В доме хранятся альбомы, книги на русском языке. Любовь к России родители передали и приемному сыну, который выбрал себе русскую невесту и работал в России.

Семьи такого склада и одиноких людей такого типа я встречала не раз среди прихожан православного Собора Пресвятой Богородицы "Взыскание погибших" г. Лос-Анджелес. Другую часть (и немалую) эмиграции второй волны составляют люди, которые теряют русский язык.

5.2. Третья волна. Среди эмигрантов третьей волны много высокообразованных евреев, хранящих русский язык, заботящихся о том, чтобы его сохранить и передать детям. Ими движет любовь к русской культуре, хорошее знание русской литературы, интерес к русской истории, а иногда и профессиональные занятия, связанные с русским языком. Как правило, эти люди не являлись православными, поэтому такой сильный фактор сохранения русского языка, как влияние русской православной церкви, в жизни основной части эмигрантов третьей волны не действует.

Расскажу об одной семье, живущей в Голландии. ИГ покинула СССР в 40 лет (около 15 лет назад) вместе с мужем и дочерью и нашла (как диссидент) приют в Голландии. Я несколько раз встречалась с ней в Москве, мы много разговаривали, я записывала ее речь на магнитофон: у нее отличный русский.

Как складывалась "языковая жизнь" этой семьи? Оказавшись в Голландии, старшие члены семьи первоначально использовали, как временный мостик, английский язык – для общения с голландцами на работе и в других ситуациях, так как английский они знали в какой-то мере до отъезда (жена – лучше, муж – хуже), а голландского не знали совсем.

ИГ по образованию – математик, специалист по компьютерам. Покинув СССР, изменила род своих занятий, стала литератором. Она пишет, переводит, преподаёт

русский язык. Отличается высокой языковой рефлексией, склонностью к самонаблюдению. Ловит себя на кальках, особенно при письме на русском, но также и в устной речи. При разговоре со мной сказала: "Вы заметили мою кальку: *Я имела всего несколько часов*" (о преподавании). Говорит о родных: «Я из них все время выкопачиваю *"Я взял трамвай"*».

Приведу наш диалог, который показывает соотношение русского, английского и голландского в ее языковой компетенции. На мой вопрос: "На каком языке думают ваши родные?" – отвечает: – Даже я думаю часто по-английски // Мне нравится английский // – Вы двуязычны? – По-английски я пишу хуже // Не так свободно [как по-русски] // Боюсь сделать ошибки // Даю переводить или проверять // – А голландский? Говорите? – Конечно // Сейчас я могу говорить практически на любую тему / но хуже //.

Муж ИГ, видимо, менее способен к языкам. К тому же его специальность (программист) не требует особого знания и применения языков. Он обходится своим знанием английского и не тратит много времени и сил на голландский, предпочитая этим языкам русский.

Подобная ситуация может считаться характерной для стран, язык которых не принадлежит к числу наиболее распространенных в мире, и, следовательно, социально высоко значимых. Русские эмигранты в таких странах нередко выбирают в качестве основного языка какой-либо из наиболее распространенных европейских языков, в наше время – чаще всего английский. Не столь редки и случаи, когда младшее поколение семьи покидает первоначальную страну-приют, едет учиться в другую страну, впоследствии и переезжает туда. Это явление существует в Голландии, я наблюдала его и в Финляндии.

Старшая дочь ИГ была увезена из Москвы ребенком трех лет. В настоящее время она восемнадцатилетняя студентка, учится в США. Хорошо знает английский и, по-видимому, дорожит своим русским, понимая, что он ей может быть полезен. Тем не менее ИГ с горечью констатирует: "Моя старшенькая плывет в сторону английского". Что касается десятилетней младшей дочери, которая родилась уже в Амстердаме, то, по словам ИГ, она отказывается говорить по-русски, но делает это вынужденно, по требованию матери. Я прослушивала сделанные ИГ по моей просьбе записи речи обеих ее дочерей. Иноязычное влияние наиболее ярко обнаруживается в интонации. С грамматикой и лексикой они справляются неплохо.

Пример этой семьи характерен для значительного слоя эмиграции третьей волны. Однако немалая часть эмигрантов третьей волны забывает русский язык, так как профессионально его не использует и вынуждена все силы тратить на освоение языка страны-приюта. В первую очередь это относится к людям, которые, уезжая из СССР, не знали ни языка той страны, в которую ехали, ни какого-либо другого широко распространенного языка. Внутреннюю установку этих людей на отношение к русскому языку можно выразить приведенными выше словами одной эмигрантки (М.), живущей в США двадцать лет: "Русский язык! Куда он денется? А вот без английского..." . Примеры из ее речи см. [Земская, в печати]; см. также [Olmsted 1986].

5.3. Четвертая волна. Значительную часть эмигрантов четвертой волны составляют люди, не имеющие высшего образования и не знающие языка той страны, в которую они приехали. Вот примеры из речи одного из таких лиц. Это жена русского немца, уехавшая с семьей из России в возрасте 39 лет. Я записывала разговор с ней в 1996 г., когда она прожила в Германии всего шесть лет. В каждой фразе были немецкие слова, связанные с работой (санитарка в доме для престарелых) и другими важными сторонами ее жизни. Вот несколько примеров: *Я взяла Rollstuhle и повезла в гору* (инвалидное кресло на колесиках); *Мне сказали на работе / не надо делать Überstunde* (сверхурочную работу); (о старушке из инвалидного дома) *У нее такой почему-то Hass к немцам* (ненависть). (Сама объясняет): *Ее в детстве изнасиловали; Такой Gefühl* интересный (чувство); *Он был на войне Gefängniss* (тюрьма). Рас-

сказывая о своей работе, употребляет слово *Hauptkontrakt*. Передает речь своей пациентки: *Она говорит / Singerin (певица) пришла // Я ей пою // Она не знает / как меня зовут //*. Жалуеться, что ее русский знакомый не передал посланные ею в Россию вещи: *Он все новое вынул // Нельзя новое посылать // Надо Zoll (таможенный сбор) платить //*. См. подробнее: [Земская 1999б].

Однако, как и в других волнах эмиграции, в четвертой есть немало людей, стремящихся сохранить русский язык. Расскажу о том, что видела в Лос-Анджелесе зимой-весной 1998/1999 г. Среди эмигрантов четвертой волны города Лос-Анджелес много пожилых лиц (часто – уже пенсионеров) интеллигентных профессий – учителя, врачи, инженеры, профессора. Они объединяются в группы, общества разного рода, часто называют их "Русский клуб" (Russian club). Устраивают лекции, доклады, обсуждения. Мне приходилось бывать в таких местах, выступать там с докладами на русском языке.

Эти люди сами говорят на хорошем русском языке и стремятся сохранить его у внуков: нанимают им учителей русского языка, православные отдают детей в воскресную церковную школу (естественно, что в будние дни дети ходят в американские школы), приучают их читать русские книги, смотреть русские фильмы по телевизору. Конечно, далеко не всегда их старания имеют успех. Но тот факт, что бабушки и дедушки живут в одном городе с детьми и внуками, способствует сохранению русского языка. Дома в таких семьях, как правило, говорят по-русски, так как и родители, и тем более бабушки и дедушки английский знают плохо или совсем не знают. Необходимо признать, что дети нередко отказываются говорить по-русски, а еще чаще ленятся читать русские книги. Скорее всего их могут увлечь русские фильмы. Дети обычно в семье со старшими говорят по-русски, а в школе и при общении с другими детьми (даже из России!) – по-английски, объясняя это тем, что у них есть свои школьные и детские темы. Им легче говорить на эти темы по-английски, так как соответствующих русских слов они не знают.

Мне довелось разговаривать с мальчиком 10 лет, приемным внуком эмигрантки первой волны. По воскресеньям она его отвозит в церковную школу, где учат русскому языку. В будние дни он ходит в американскую школу. Он очень стеснялся говорить со мной по-русски, но все-таки кое-что рассказал мне о школе. Однако на мой вопрос: "Какой предмет тебе больше нравится?" – ответил по-английски: *History*, а не: *История*.

Среди известных мне в Лос-Анджелесе эмигрантов четвертой волны выделяется Майя Бранд (Maya Brand). Это – псевдоним, под которым она пишет стихи. Судьба свела меня с Майей в самом конце 1998 г. в Лос-Анджелесе, куда я была приглашена читать лекции аспирантам. Оказалось, что мы близки по возрасту (она родилась в 1930 г.) и у нас масса общих знакомых (мы из одного московского "круга"). Мы быстро подружились.

Майя (с мужем, профессором геологии) живет в США с 1988 г. По образованию она радиоинженер, математик, кандидат наук. Она человек редкой одаренности: пишет стихи, рисует, быстро научилась (уже в США) водить машину, умеет все. Оказавшись в Америке, Майя не стала ныть и хулить, или, наоборот, безмерно восхвалять новую жизнь. Начала жить в этой новой для нее стране и новой ситуации так, как мечтала ранее, но не могла: из-за необходимости зарабатывать на жизнь, растить детей и главное – из-за советской цензуры. Теперь же все изменилось: дети стали взрослыми, социальное пособие дает возможность жить (хоть и скромно) и нет никакой цензуры. У Майи появилась возможность реализовать свои творческие способности. Она много рисует, собирается устроить свою персональную выставку, но самое интересное для нашей проблематики то, что она пишет стихи на двух языках – русском и английском. Причем некоторые русские стихи она переводит, но многое сразу пишет по-английски. В 1994 г. вышла ее книга: Майя Бранд. Отклик / Maya Brand. Response. Los Angeles; М., 1995. Как говорит сама Майя, писать она начала в 14 лет, а первая ее книга вышла через полвека, на чужбине.

Но вернусь к материи этой статьи. Каков язык Майи? Ее русский безупречен, стилистически богат. Майя учила английский еще в Москве. Сейчас много и целенаправленно занимается английским. Старается, где это возможно, говорить по-английски и слушать английскую речь. Но вместе с тем она не отказывается от знакомств с людьми, говорящими по-русски. Она легко и свободно переходит с одного языка на другой. Американизмы обычно использует в экспрессивно-стилистической функции, как инкрустации (см. [Земская, в печати]). В языковой компетенции Майи есть одна интересная особенность: она лучше знает английский в письменной форме. Ей легче писать, чем говорить, легче понимать написанное, чем услышанное. Последнее – не редкость. Американское произношение затрудняет многих иностранцев. Но овладеть и письмом на английском нелегко: затрудняют и грамматика, и правила орфографии.

5.4. Итак, между разными волнами эмиграции в целом есть несомненные (и очень существенные) различия, влияющие на сохранение русского языка, его стойкость. Вместе с тем, в каждой волне имеется и огромное число отклонений от того, что можно было бы назвать "типичным явлением". Отклонения имеют и знак "плюс" (прекрасное сохранение русского языка), и знак "минус" (разрушение русского языка). Эти отклонения почти всегда объяснимы. Они определяются комплексом факторов, способствующих сохранению/утрате русского языка (некоторые из них были охарактеризованы выше).

Укажу еще и другие факторы, касающиеся в первую очередь тех, кто оказался в эмиграции в детском возрасте, не получив образования на русском языке. Неумение писать, а иногда и читать, по-русски, незнание правил русской грамматики способствует нестойкости русского языка у этих лиц, которая обычно бывает подкреплена еще и такими обстоятельствами, как отъезд семьи из России навсегда (а не на время), низкая образованность, незнание других языков, кроме русского, в том числе языка страны обитания.

Все сказанное заставляет сделать такой вывод: изучение языка и жизни русского зарубежья требует от исследователя **дифференцированного** социолингвистического и культурологического анализа.

6. Некоторые ученые, изучая речь русских эмигрантов, высказывают мнение об ослаблении русского языка, о его пиджинизации и даже о смерти. Термины используют разные. Американские лингвисты применяют термин "**аттриция**" (attrition). Материалом для их исследований чаще всего служит речь эмигрантов четвертой волны, лиц, увезенных в эмиграцию детьми, не получивших образования на русском языке. При этом, однако, имеется еще один существенный фактор, которому исследователи не придают должного значения – фактор социокультурный, а именно: степень владения русским языком в семье до эмиграции и отношение в ней к русскому языку. Лица, легко и быстро теряющие, забывающие, портящие русский язык в эмиграции, как правило, не владели им в должной мере и при жизни в России (или: СНГ, СССР). Для многих из них русский язык не был родным. Ученые и журналисты, пишущие о разрушении русского языка в эмиграции и даже о его гибели, часто изучают не речь приехавших из России носителей русского литературного языка и их детей, а речь "контингента", "русаков" и "русачек", как их именует Г. Гусейнов [Гусейнов 1997]. Среди этих людей есть и "российские немцы", и украинцы, и армяне, и жители азиатских республик бывшего СССР. Объединяет всех этих людей невладение русским литературным языком до отъезда в эмиграцию, а также – и это очень важно – отсутствие отношения к русскому языку как к культурной, исторической, духовной, человеческой ценности. Для них это "прежний язык", "старый язык", как справедливо замечает Г. Гусейнов, а не **русский** язык.

Для того, чтобы констатировать факт разрушения русского языка у таких лиц, необходимо ответить на вопрос: на каком русском языке эти люди говорили до эмиграции? Исследователи этот социокультурный аспект не рассматривают и даже не упоминают о нем [Гусейнов 1997; Polinsky 1998]. Сравнивать "эмигрантский язык"

таких информантов с кодифицированным литературным языком неправомерно, так как нет оснований полагать, что речь этих лиц до отъезда из метрополии соответствовала нормам русского литературного языка. Также нет оснований полагать, что многие факты, наблюдаемые в речи лиц, живущих в США, Германии или другой стране, можно характеризовать как влияние эмиграции.

Остановлюсь более подробно на статье М. Polinsky "Американский русский: новый пиджин" [Polinsky 1998]. На каких материалах основаны выводы? Какие методы исследования использует автор?

В основу статьи положены данные, полученные при рассмотрении речи 18 молодых людей, увезенных в США детьми (6–14 лет) и проживших в эмиграции от 3–14 лет. Часть этих детей до эмиграции жила не в русских городах, а в Ташкенте, Киеве, Минске, Харькове и Одессе. Многие из них не умеют писать по-русски, а некоторые не умеют даже читать. Автор устанавливает индекс обеднения, забывания (attrition) русского языка, используя для этого список английских слов, которые информанты должны перевести на русский. Совершенно очевидно, что полученные ответы [Polinsky 1998: 88–91] не могли дать носители литературного языка или дети, живущие в семьях родителей, говорящих на русском литературном языке. Например: *breast* – *сися*, *woman* – *тетя*, *man* – *дядя*, *eat* – *есть* / *кушать*, *louse* – *вши* (в женск. роде). Ясно, что слова *сися*, *тетя* и *дядя* (как названия женщины и мужчины), *вши* (вм. *вошь*), незнание условий употребления глаголов *есть* и *кушать* возникли не в эмиграции. Это не результат обеднения русского языка, а хорошо сохранившиеся особенности нелитературной речи, вывезенные из метрополии. Подобные ответы можно было бы легко получить на улице любого российского и тем более нероссийского города (Ташкента, Минска, Киева, Одессы – ведь выходцев и из этих городов интервьюировала М. Polinsky).

Вызывает возражение также оценка автором переводов английских глаголов. Как American Russian оцениваются ответы такого рода: *swim* – *плыть*, *walk* – *идти*, *bite* – *кусить*, *say* – *сказать* [Polinsky 1998: 90], т.е. когда информант дает в качестве ответа глагол в форме одного из видов. Так как в английском языке нет категории вида, английские глаголы при переводе на русский передаются формами глаголов совершенного или несовершенного вида в зависимости от контекста, так что ответы информантов вполне можно считать правильными. В словарях же английские глаголы обычно получают переводы в форме обоих видов: *say* – *говорить*, *сказать*; *swim* – *плыть*, *плавать*.

Добавлю, что сам список слов, вошедших в анкету, на мой взгляд, не является удачным. Исхожу не из английских, а из тех русских слов, которые считались бы правильным ответом. В анкете много довольно редких слов. Так, всякий ли рядовой носитель русского языка знает слово *плоть* и может точно объяснить его значение?

Текст интервью, который использует М. Polinsky в этой же статье [Polinsky 1998: 82–83], пригоден для проверки того, знает ли отвечающий **нормы** литературного языка, но не может быть показателем обеднения или забывания русского языка в эмиграции. Многие русские, живущие всю жизнь в России, считают, что *кушать* – вежливая форма, и употребляют этот глагол по отношению к себе и другим. Слово *кофе* значительная часть русских употребляет в среднем роде. Объяснить разницу (или выявить преимущество) между выражениями *ехать в автобусе*, *ехать на автобусе*, *ехать автобусом* вряд ли сможет любой житель России, не связанный профессионально с использованием русского языка.

7. Какой же вывод? Умирает ли язык русской диаспоры? Подчеркну, что я рассматриваю этот вопрос по отношению к речи лиц, говоривших до отъезда из России на литературном русском языке, и их потомков. Собранные мной обширные материалы, содержащие записи речи эмигрантов, живущих в разных странах, принадлежащих к разным поколениям разных волн эмиграции, не дают оснований говорить ни об умирании русского языка за рубежом, ни о его пиджинизации. Более того, можно кон-

статировать поразительную стойкость русского языка. Во многих семьях (и не только у тех лиц, которые связаны с русским языком профессионально) русский язык живет в третьем поколении эмиграции, есть и такие семьи, в которых русский язык сохраняется в четвертом поколении жизни вне России⁷.

Сравнение стойкости русского языка со стойкостью других языков показывает, что, например, в немецких семьях, приехавших в Россию в XIX в., немецкий язык мог забываться уже во втором поколении и основным языком становился русский.

8. Как было показано выше, степень сохранности языка любой диаспоры зависит от многих факторов. Назову еще один из важнейших – наличие у языка диаспоры поддержки в метрополии, иными словами: существование у языка данной диаспоры "тыла" (Hinterland). Русский язык имеет мощный тыл, укрепляющий позиции языка русской диаспоры, способствующий его выживанию.

Приведу в качестве конкретного свидетельства о связях между эмигрантами и метрополией отрывок из письма эмигранта первой волны третьего поколения, живущего в Германии: "Эмигранты, конечно, никогда не жили в полной оторванности [от метрополии]. Продолжали существовать связи. Эмигранты читали (эмигрантскую и советскую печать), смотрели фильмы (я помню, как я смотрел фильм "Летят журавли" на русском языке в начале 60-х гг., будучи мальчиком – стеснялся, что ревел; папа устраивал вечера русских фильмов, и помню, что приходили и посторонние русские, не только студенты; я сам в Бонне брал фильмы для студентов в советском посольстве). И, конечно, приезжали люди из СССР. Я как раз прочитал (довольно скучную) биографию Шаляпина – он во время эмиграции постоянно вращался среди русских, и к нему приезжали посланцы из СССР, чтобы его уговорить вернуться. А в 70-е гг., помню, довольно редко приезжали из Союза; мы кидались на них, чтобы с ними поговорить, приглашали домой (были смешные сцены)" (М. Rammelmeyer – Е.А. Земской. Письмо. 28.04.2000 г.).

Языки малых народностей, например, индейцев Северной Америки, занимают иное положение. Отсутствие языка метрополии ослабляет их способность к выживанию, делает ее меньшей, чем у таких языков, как русский или польский.

9. Современный период истории (время перестройки и постперестройки) не только способствовал возрождению интереса к русскому языку, но и дал реальные возможности для его укрепления и расширенного применения (встречи с людьми, приезжающими из России, возобновление насильственно прерванных связей с родственниками, друзьями, коллегами по работе, поездки в Россию – служебного характера, в гости, в туристические путешествия, на паломничество и др.). Этот этап истории сами эмигранты называют возвращением к России и русскому языку. Важно подчеркнуть, что происходит не только укрепление русского языка эмигрантов разных волн и поколений, но и некоторое обновление, "осовременивание" речи эмигрантов первой волны. Старые эмигранты принимают новое в свой русский очень осторожно и вдумчиво, но все же делают это⁸ (см. [Земская 2000]).

Интерес к русскому языку живет и среди молодых эмигрантов четвертой волны, попавших в эмиграцию детьми и находящихся вне России немало лет. В некоторых странах, например, в США, считают важным помогать эмигрантам сохранить их родной язык. Организуются специальные занятия для молодежи – практические уроки русского языка, курсы лекций по русской литературе. Так, занятия "Russian for Russian" проводятся в г. Лос-Анджелесе, в университете UCLA. И что знаменательно: их посещают студенты разных специальностей, не только филологи!

⁷ На подобные факты по отношению к польскому языку в США указывает [Осипова 1996: 161].

⁸ Приведу для примера реакцию двух эмигранток первой волны (второе поколение) на новые для них формулы речевого этикета. Прихожанка русской церкви в Риме (9) замечает: *Мы говорим: Здравствуйте! До свидания. Мы не говорили Добрый день! или Добрый вечер! Но это хорошо. Это мне нравится.* М.Р. Гизетти (52), матушка собора в Лос-Анджелесе, пишет: "Всего Вам доброго и хорошего. Я не знаю, почему, но мы всегда желали друзьям всего самого хорошего или наилучшего, а *доброго* – пришло недавно из России, и я думаю – так лучше" (М.Р. Гизетти – Е.А. Земская. Письмо. 7.12.1999).

Что касается новейшей эмиграции, то во многих странах – прежде всего в Германии и США – так много лиц, приехавших из России в последние годы, что они образуют целые колонии, многие члены которых довольствуются общением на русском языке и не стремятся овладеть языком страны проживания. Вот еще один отрывок из письма М. Раммельмейера, рисующий ситуацию в Германии: "Современная эмиграция сохраняет свою русскую речь легко, так как часто нет необходимости хорошо научиться немецкому языку, знают только самое необходимое (пример, мой Саша, который по-немецки, по собственному признанию, "говорит как свинья"), а так – возвращаются среди своих. И ездят в Россию" (М. Rammelmeyer – Е.А. Земской. Письмо. 28.04.2000 г.).

10. Выводы. В языковой компетенции многих лиц, живущих вне России в течение всей жизни, эмигрантов третьего и даже четвертого поколений, независимо от того, сколько языков они знают и какое место в этой иерархии занимает русский язык, ему принадлежит особое, важное положение. Русский язык – предмет частой и глубокой языковой рефлексии. Он воплощает связь с Родиной, с семейными корнями. Это святыня, которую берегут.

Между эмигрантами одной волны, живущими в разных странах, нет резкого различия в степени сохранности русского языка, напротив, наблюдается значительное сходство. Наибольший контраст наблюдается между эмигрантами первой и четвертой волн. У эмигрантов первой волны русский язык сохраняется до 3-го, в некоторых семьях до 4-го и даже 5-го поколений, тогда как у эмигрантов четвертой волны русский язык может ослабевать в первом поколении.

Закончу статью словами Вайнрайха: "Язык может внушать носителям чувство патриотизма, подобное национально-патриотическому чувству, связанному с идеей нации. Язык, будучи неприкосновенной сущностью, противопоставляемой другим языкам, занимает высокое положение на шкале ценностей, положение, которое нуждается в "отстаивании". В ответ на угрожающий языку сдвиг это чувство верности языку приводит в действие силы, направленные на сохранение языка, оказавшегося под угрозой, оно превращает язык в символ веры и святыню" [Вайнрайх 1962: 57].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бодэ В. 1999 – Новое в лингвистике // Неприкосновенный запас. 1999. № 2–4.
- Вайнрайх У. 1962 – Одноязычие и многоязычие // В.Ю. Розенцвейг (ред.). Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 6. М., 1962.
- Голубева-Монаткина Н.И. 1993 – Об особенностях русской речи потомков первой русской эмиграции во Франции // Русский язык за рубежом. 1993. № 2.
- Гусейнов Г. 1997 – Наблюдения над особенностями речевого поведения в новых русских анклавах Германии // 11. Fortbildungstagung für Russischlehrer an bayerischen Gymnasien. Regensburg, 1997.
- Земская Е.А. 1999а – Об угасании письменной формы русского языка в среде эмиграции // Роман Якобсон. Тексты, документы, исследования. М. РГГУ, 1999.
- Земская Е.А. 1999б – Язык русского зарубежья: два полюса // С.И. Гиндин, Н.Н. Розанова (ред.). Язык. Культура. Гуманитарное знание. К столетию Г.О. Винокура. М., 1999.
- Земская Е.А. 2000 – Язык русского зарубежья: проблемы нормы и речевого поведения // Культурно-речевая ситуация в современной России // Отв. ред. Н.А. Купина. Екатеринбург, 2000.
- Земская Е.А. (в печати) – Функции американизмов в речи эмигрантов // Слово в тексте и словаре / Отв. ред. Л.П. Крысин. М., (в печати).
- Земская Е.А., Крысин Л.П. 1998 – Московская школа функциональной социолингвистики. Итоги и перспективы исследований. М., 1998.
- Никитина С.Е. 1998 – Языковое самосознание молокан и старообрядцев США: судьбы русского языка // Русистика сегодня. 1998. № 1/2.
- Осипова М.А. 1996 – ВЯ. 1996. № 1 – Rec.: The Slavonic languages.
- Пушкарева Н.Л. 1997 – Русские за рубежом // Русские / Отв. ред. В.А. Александров, И.В. Власова, Н.С. Полищук. Серия "Народы и культуры". М., 1997.

- Толстой Н.И. 1998 – Воспоминания о русском языке // Лики языка / Отв. ред. М.Я. Гловинская. М., 1998.
- Щерба Л.В. 1974 – О понятии смешения языков // Л.В. Щерба. Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974.
- Эндрюс Д.Р. 1997 – Пять подходов к лингвистическому анализу языка русских эмигрантов в США // Славяноведение. 1997. № 2.
- Andrews D.R. 1998 – Socio-cultural perspectives of language change in diaspora. Soviet immigrant in the United States // Studies in language and society. Vol. 5. Amsterdam; Philadelphia, 1998.
- Olmsted H.M. 1986 – American interference in the Russian language of the third-wave emigration: Preliminary notes // Folia Slavica. 1986, 8, № 1.
- Polinsky M.S. 1998 – American Russian: A new Pidgin // Московский лингвистический журнал. 1998. Т. 4.
- Stangé-Zhirovova N. 1998 – Особенности устной речи русскоязычных эмигрантов во французской части Бельгии // Belgian contributions to the 12-th congress of Slavist, Cracow, 26 Aug. – 3 Sept. 1998. Slavia Candensia. 25/1, 1998.